

НЕ ТОЛЬКО
О ЛЮБВИ
РОМАНЫ
ЭМИ ХАТВАНИ

ЭМИ ХАТВАНИ
НАТВАНУ
ТАК АМУ
СЛУЧАЕТСЯ
ВСЕГДА

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X25

Amy Hatvany

IT HAPPENS ALL THE TIME

Copyright © 2017 by Amy Hatvany

Перевод с английского *Ольги Болятко*

Разработка серии и художественное оформление
Петра Петрова

Хатвани, Эми.

X25 Так случается всегда / Эми Хатвани ; [пер. с англ. О. Болятко]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-096791-9

Эмбер и Тайлер были неразлучны еще со школьных времен. Они все делали вместе, оберегали и поддерживали друг друга в самые тяжелые моменты. Однако на протяжении многих лет Тайлер втайне надеялся, что в один прекрасный день сумеет завоевать сердце девушки и доказать — они идеальная пара. И однажды его мечта практически сбылась: окрыленная алкоголем и раздумьями о том, не рановато ли она решила выйти замуж, Эмбер целует лучшего друга. То, что случается потом, навсегда переворачивает их жизни.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Болятко О., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096791-9

//////////

Тайлер

Я не вижу пистолета, пока тот не оказывается направленным прямо на меня.
— Поезжай, — говорит она, наклонившись ко мне.

Мы сидим в салоне моей машины, я за рулем, а Эмбер на пассажирском месте. Ее рука дрожит, не знаю почему — то ли от неуверенности, то ли просто из-за веса пистолета.

Я нервно моргаю.

— Эмбер, постой!

— Заткнись.

Ее голос твердый, как камень. Большим пальцем она взводит курок, я дергаюсь в сторону и прижимаюсь к окну. Мои плечи непроизвольно поднимаются, и я снова бессильно произношу ее имя.

— Я сказала, чтобы ты заткнулся! — повторяет Эмбер. На этот раз пронзительным и истерическим голосом. Кивнув головой в сторону выезда со стоянки, она говорит: — Трогай.

Ее указательный палец покоится на спусковом крючке. Одно неловкое движение, и все может быть кончено.

Я выпрямляюсь на сиденье и пытаюсь перевести дыхание. «Делай то, что она говорит». Я вставляю ключ в замок зажигания, поворачиваю его, и мотор оживает. Громкий звук радио на мгновение ошеломляет нас обоих, и Эмбер поспешно выключает его. По моему лбу скатывается капелька пота, несмотря на пронизывающий холод. На дворе начало ноября, и мне внезапно приходит в голову, что прошел уже почти год после того дня, когда Эмбер приехала домой на Рождество и обнаружила меня сидящим у ее родителей. С тех пор произошло много всего. Все изменилось.

Я выезжаю на улицу, говоря себе, что кто-нибудь из моих коллег, сидящих в красном кирпичном здании, видел нас вдвоем и что-нибудь в ее поведении или в выражении лица насторожило их. Кто-нибудь последует за нами или хотя бы вызовет полицию. Но, не успев толком подумать об этом, я уже понимаю, что надежды напрасны. Мой напарник Мейсон уже отправился домой, к жене и дочери. Дежурная бригада парамедиков находится в гараже, за закрытыми дверями, проверяет снаряжение. Пожарные либо спят в комнате отдыха, либо занимаются в спортивном зале, коротая время. Работая в службе спасения, мы привычны к кризисам, и наши тела сразу же реагируют на них. Мы спешим к месту катастрофы, а не убегает от нее. Но мы не стоим у окон, оглядывая окрестности, рассчитывая увидеть, когда же произойдет бедствие.

Когда я вышел из здания на улицу и увидел Эмбер, поджидавшую меня на слабо освещенной стоянке, во мне вспыхнула искорка надежды, что было глупо с моей стороны.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

Я кивнул, обратив внимание на то, что давно уже не видел ее такой худой. Лицо казалось изможденным, щеки ввалились, а под огромными карими глазами образовались темные круги. Тонкие каштановые волосы были спутаны, а огромная черная лыжная куртка подчеркивала худобу ног. Веса Эмбер не более ста фунтов¹. Меньше она весила лишь девять лет назад, когда ей было пятнадцать и она лежала в больнице. Тогда она весила восемьдесят два фунта.

— Выезжай на шоссе, — говорит Эмбер, убирая палец с курка и кладя пистолет к себе на колени.

Теперь она смотрит прямо перед собой, и в полумраке салона невозможно разглядеть выражение ее лица и угадать, о чем она думает.

— Поезжай на юг.

— Не стоит этого делать, — говорю я, надеясь, что смогу хоть немного образумить ее. — Ты сказала, что нам нужно поговорить. Так, пожалуйста... давай поговорим.

— Просто поезжай туда, куда я сказала.

Она снова поднимает пистолет и направляет на меня. Теперь она держит его уже двумя руками, а палец вновь ложится на курок.

— О'кей, о'кей! Извини. — Знакомое щемящее чувство паники охватывает меня. Я прихожу в ужас при мысли о том, что может произойти, если палец произвольно дернется. — Тебе не понадобится оружие.

Ее глаза сужаются до щелочек.

— Не указывай мне, что мне понадобится.

¹1 фунт = 0,4536 кг (здесь и далее примечания переводчика).

Она тычет дулом пистолета мне в ребра и снова взводит курок.

Я судорожно глотаю воздух и резко бью по тормозам, останавливаясь на светофоре. Мои глаза начинают шарить по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь, кому я мог бы подать сигнал о том, что мне срочно нужна помощь. Но в три часа ночи в сонном университетском городке на улице нет ни одной машины.

Нервы напряжены до предела, и вдруг в голове звучит глубокий голос моего отца:

— Не бездействуй, сын. Сделай что-нибудь.

Загорается зеленый сигнал, и Эмбер крепче упирается дулом мне в ребра. Я нажимаю на педаль газа, размышляя о том, что стал бы делать отец в такой ситуации. Я представляю, как он резко хватает Эмбер за заднюю часть шеи и ударяет ее лицом о приборную панель. Я представляю, как он сжимает свои толстые пальцы в кулак и наносит ей удар прямо в голову.

Но я не хочу причинить ей боль. Я уже и так это сделал. Я хочу, чтобы все вернулось назад, к тому времени, когда мы только познакомились. До развода моих родителей, до ее болезни. До того, как мы сначала отделились друг от друга, а потом сблизились сильнее, чем прежде. Это случилось в прошлом июне, когда она вернулась домой на каникулы с обручальным кольцом на пальце. Я хочу повернуть время вспять, стереть из памяти ту ночь, когда мир обрушился. Я хочу стереть все, что пошло наперекося.

— Я ненавижу тебя, — говорит она, и в ее голосе звучит отвращение. — Я чертовски ненавижу тебя.

Я морщусь, подозревая, что заслужил и это отвращение, и пистолет, упирающийся в ребра. Может

быть, я заслужил даже пулю в сердце. Я сворачиваю на шоссе, нажимаю на газ и, не зная, в чем состоит план Эмбер, говорю:

— Я знаю. Я сам ненавижу себя.

Эмбер

Было уже за полночь, когда я повернула на улицу, на которой стоял дом моих родителей. Я собиралась провести с ними рождественские каникулы и приехала на три часа позже, чем обещала. Въехав на посыпанную гравием дорожку, ведущую к дому, я выключила фары, как я часто делала в школьные годы, надеясь проскользнуть домой незамеченной. Возможно, сейчас это не имело значения, поскольку я уже четыре года училась в университете, но я была уверена, что родители ждут меня. Они сидят за столиком на кухне, мама пьет чай с мятой, а отец держит в руках стакан с виски. И на их лицах можно прочитать тревогу.

— Где ты была? — сердито спросит папа, когда я наконец войду в дом. — Твоя мать и я места себе не находили.

— Простите, — пробормочу я, сунув руки в карманы и опуская глаза.

Я знаю, что извиняться бесполезно; лучше сделать вид, что я чувствую себя виноватой, и пообещать больше никогда так не делать. Я понимаю, что их тревога была лишь следствием того, что я была их единственным ребенком, да к тому же ребенком, который едва не умер. Я родилась на девять недель раньше срока в результате экстренного кесарева сечения, и когда

меня, неподвижную, достали из материнского живота, я не кричала так, как должен кричать новорожденный ребенок. Я не могла кричать, потому что не дышала. Неонатальная бригада сразу же взялась за меня и принялась накачивать воздух в мои легкие, в то время как моя мать рыдала на операционном столе, боясь потерять меня, а отец сжимал ее руку и снова и снова говорил ей, что все будет хорошо.

— Ты чуть не умерла, — сказала мама, когда в первый раз поведала мне эту историю. Ее глаза, такого же зеленовато-орехового цвета, как и мои, налились слезами, когда она показала фотографию, на которой я была изображена в кювезе, который она назвала инкубатором. Там я провела первые два месяца своей жизни. Я была поражена, увидев, какой маленькой была — всего три с половиной фунта, и мои вены просвечивали через прозрачную кожу, как тоненькие голубые реки на географической карте. — Им буквально пришлось запускать твое сердце, — сказала мама. — То, что ты выжила, было просто чудом. Ты чудо, моя сладкая. Никогда не забывай об этом.

Тогда мне было семь лет, и я кивнула в ответ на это. Я хотела, чтобы она думала, будто эти слова побудили меня чувствовать себя драгоценной и особенной. Но то, что, по словам матери, мое рождение было чудесным, заставило меня почувствовать себя неловко. Я подумала, что мне придется сделать что-то необыкновенное, *быть* необыкновенной, чтобы оправдать свое появление на свет. Родители решили больше не заводить детей из-за этой истории. Вместо этого они сосредоточили на мне всю свою энергию, все свои надежды и мечты.

ТАК СЛУЧАЕТСЯ ВСЕГДА

//////////

Я вздохнула, выключая двигатель и вспоминая тот единственный случай, когда я оказалась в больнице. Я лежала на неудобной кровати, опутанная проводами и трубками, подключенными к мониторам. Это был тот случай, когда я сделала выбор, в результате которого чуть не умерла сама и едва не разбила сердца своих родителей. Я крепко зажмурилась, словно этим могла прогнать тяжелые воспоминания. «Мне теперь лучше. Я теперь уже совсем не та, что была», — сказала я себе.

Взяв с пассажирского сиденья рюкзак и мобильный телефон, я посмотрела на уютный двухэтажный особнячок в викторианском стиле. В этом доме я провела первые восемнадцать лет своей жизни. Черные декабрьские тучи скрывали луну, но света уличных фонарей было достаточно, чтобы осветить построенный сто лет назад дом, который родители старательно обновляли по мере того, как им это позволяли время и деньги. Они заменили водопровод, электропроводку, а когда все комнаты были отремонтированы и приведены в порядок, отциклевали и покрыли лаком светлые, сделанные из кленового дерева полы. Снаружи дом был выкрашен в яркий голубой цвет, а веранда, которая окружала его со всех сторон, и крутые карнизы — в белый. Сейчас они были украшены множеством сверкающих лампочек. И пускай последние несколько лет, которые я провела здесь, не напоминали волшебную сказку, особнячок все еще выглядел так, словно сошел с картинки детской книжки. И он всегда будет тем местом, которое я могу называть своим домом.

Перебросив лямку рюкзака через левое плечо, я открыла багажник, вытащила черный чемодан и поставила его на землю. Мне не терпелось оказаться вну-

три, взобраться по ступенькам и проскользнуть в свою детскую спальню. Все то время, пока я училась в университете в Пульмане, мама ничего не меняла в этой комнате. Я была уверена, что она надеется на то, что через шесть месяцев после окончания университета я вернусь в Беллингхэм и снова поселюсь у них. Но, по правде говоря, если бы у меня был выбор, я даже на Рождество не стала бы приезжать домой. После тяжелых выпускных экзаменов хотелось лишь одного — сидеть в обнимку с Дэниэлом и обсуждать наши планы. Мы собирались следующей осенью переехать в Сиэтл. Дэниэл планировал поступить в Медицинский университет штата Вашингтон, а я хотела получить диплом магистра в Американском институте спортивной медицины. После получения диплома я смогла бы осуществить свою мечту — работать с профессиональными спортсменами. А точнее, с командой «Сихокс», за которую с детства болела вместе с отцом. Но вместо того чтобы провести каникулы со мной, Дэниэл полетел в Денвер повидать свою семью, а я упаковала вещи, чтобы поехать домой навестить родителей. Мы с ним встречались с июля, после того как познакомились в спортивном зале, но наши отношения уже были довольно серьезными. Настолько серьезными, что когда мои родители приехали ко мне на День благодарения, я познакомила его с ними, чего раньше никогда не делала с другими бойфрендами. Все мои прежние увлечения были короткими — несколько недель, самое большее месяц. Но с Дэниэлом мы проводили ночи вместе в течение почти четырех месяцев, иногда у него, иногда у меня, и мысль о том, что нужно разлучиться на каникулы, была для меня мучительной.

Я вошла в дом через черный ход, закрыла за собой дверь и отправила Дэниэлу сообщение: *«Я уже дома. Безумно по тебе скучаю»*.

Войдя в кухню и поставив рюкзак на стул, я огляделась по сторонам, прислушиваясь, не скрипнет ли наверху пол, что будет означать, что родители еще не спят. Мой телефон пикнул, но прежде, чем я успела разблокировать его, со стороны дивана, стоявшего в расположенной рядом с кухней гостиной, донесся глубокий голос.

— Привет, Эмбер, — услышала я и выронила телефон, который со стуком упал на деревянный пол. Я прижала руку к сердцу, чувствуя, как оно выпрыгивает из груди.

— Господи! — сказала я. Посмотрев туда, где стоял диван, я увидела очертания хорошо знакомой мне светловолосой головы. Протянув руку, я включила свет, чтобы рассмотреть его лицо. — Тайлер! — воскликнула я. — Ты меня до смерти напугал!

— Извини, — сказал он. Поднявшись с дивана, он направился ко мне, и я снова была удивлена тем, как он изменился с тех пор, как одиннадцать лет назад его семья поселилась в нашем городке. Тогда он был долговым неуклюжим подростком со слишком большими руками и ногами. Теперь, в двадцать пять лет, его рост достигал шести футов и двух дюймов¹, его плечи были широкими, а ноги и руки — мускулистыми. Он казался более молодой и более симпатичной версией своего отца. У него были полные губы, сильный под-

¹ 1 фут = 12 дюймов = 30,48 см.

1 дюйм = 2,54 см.

бородак и резко выделявшиеся скулы, привлекавшие внимание к его глазам. Мне было трудно привыкнуть к тому, что этот сильный, красивый мужчина был тем самым застенчивым неловким парнишкой, с которым я вместе росла.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

Хотя не было ничего необычного в том, что Тайлер чувствовал себя у нас как у себя дома. Он тоже был единственным ребенком в семье, и после того, как его родители развелись и его мать Лиз пошла работать на полный рабочий день, Тайлер часто проводил вечера в нашем доме, когда она задерживалась в своей аптеке при больнице. Мы с ним часто вместе делали домашние задания, после чего он ужинал с нами, а иногда даже оставался ночевать на диване, если Лиз приходилось дежурить ночью. Во время футбольного сезона он обычно проводил все воскресные дни и вечера за просмотром матчей вместе со мной и моим отцом. Тайлер бывал у нас так часто, что мама начала считать его почти что своим сыном. Но когда я гостила у родителей в последний раз, мы расстались с ним не в лучших отношениях, поэтому сейчас, увидев его в нашем доме, я почувствовала себя немного неловко.

— Твои родители пригласили меня и маму поужинать с ними, — сказал он. — Они уже пошли спать, потому что я пообещал им, что дождусь тебя и удостоверюсь, что с тобой все в порядке. — Он обнял меня. — Рад тебя видеть.

— Я тоже.

Я повернула голову, так что моя щека оказалась прижатой к его груди. Его тело было крепким и теплым, а от его сорочки пахло сладким, но в то же время зем-

ляным запахом одеколona. Прежде он не пользовался парфюмом, и мне сразу же пришло на ум, что у него появилась подружка, которая и купила ему духи. Или, может быть, он купил их сам ради нее. И если он начал с кем-то встречаться, это сильно упростит дело.

Я отступила на шаг и подняла с пола телефон, посмотрев на экран, чтобы проверить, не означал ли звуковой сигнал, который я услышала несколько мгновений назад, ответное сообщение от Дэниэла.

«Тoже скучаю по тебе, детка. Не могу спать без тебя. Я тебя люблю».

Мои щеки покраснели, когда я читала эти слова, и я заметила, что Тайлер напряженно смотрит на меня. Прошлой осенью, когда я приехала к родителям по их настоянию на День труда¹, мы с Тайлером ходили в субботу вечером ужинать в кафе, а потом отправились к нему домой. Одним глазом глядя на экран телевизора, где показывали футбольный матч, мы с ним долго болтали, и я рассказала ему про Дэниэла. Он отреагировал на мои слова без особого энтузиазма.

— У вас это серьезно? — поинтересовался он.

— Не знаю, — ответила я. — Пожалуй, все к этому идет. Мне он нравится.

— Но что это за парень? — спросил он. — Как давно ты с ним знакома? Ты разговаривала с его прошлыми подружками? Или с его друзьями? Ты хотя бы погуглила его в Интернете?

Он стал забрасывать меня подобными вопросами, пока я не возмутилась.

¹ Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.